

если музыка хороша, то не имеет особого значения, когда она написана — в далекие времена или в наши дни. Конечно, у композиторов XX века не найдешь такой рельефно очерченной и пластичной вокальной линии, как у романтиков прошлого — Шуберта, Шумана, Чайковского. Но если содержание музыкального произведения интересно и наполнено чувством, все «неудобства» можно легко преодолеть. Если же замысловатые построения — самоцель, такая музыка мало что может дать исполнителю и слушателю.

— О вашем голосе, маэстро, столько сказано и написано. Приходилось ли вам беречь его?

— Я никогда не ставил перед собой такой задачи. Разумеется, каждому артисту необходим режим, и в обычной, и в сценической жизни. Нельзя ежедневно давать концерты или ежевечерне петь в спектаклях. Но ведь этого никто и не требует. Я старался выступать часто, ибо, на мой

взгляд, это лучшее средство для поддержания вокальной формы. Никогда не умел петь вполголоса на репетициях — так и себя не проверишь, и взаимодействия с партнером не достигнешь. Искусство надо отдавать себя полностью. Я и сегодня пою каждый день — упражняюсь дома, на репетициях в театре, на уроках в консерватории. Ведь лучше показать, чем объяснять, как надо петь.

В юбилейные дни обычно говорят о том, что Мастер думает о новых работах, о будущем своих учеников, о предстоящих торжественных концертах.

— О чем Вы думаете сейчас, маэстро?

— Сейчас? Я думаю о том, что придет гример, начнет работу, и откровенно нам уже не поговорить.

— А если не конкретно в эту минуту...

— О весне...

Элла АГРАНОВСКАЯ

Фото Николая Шарубина.

НАТАЛЬЯ НАДТОЧИЙ-САННИКОВА

КОЗЕ — АЛТАЙ — ГИМАЛАИ

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

В шестом номере нашего журнала за 1984 год была опубликована статья Н. Надточий-Санниковой «В Эстонию — к Рериху», в которой рассказывалось о П. Ф. Беликове, собравшем уникальный архив. Статья вызвала большой читательский интерес. И мы решили вновь вернуться к этой теме.

«Павла Федоровича Беликова я знала, познакомилась с ним в Новосибирске на научной конференции «Рериховские чтения-1979», — пишет жительница Риги Зельма Робертовна Тимофеева. — Статья о нем написана проникновенно, видно, что автор была хорошо знакома с этим человеком, память о котором давно следовало бы увековечить (ведь он умер почти четыре года назад). Новосибирские альпинисты из Академгородка опередили в этом таллинцев... Прискорбно читать, что во многих странах мира знают маленькое эстонское местечко под названием Козе-Уузмыйза, где он жил, а в Министерстве культуры республики и не слышали, и не знают, и не интересуются тем, что является гордостью и достоянием культурной жизни Эстонии. Ведь именно Эстония положила в свое время прекрасное начало советскому рериховедению. В «Ученых записках Тартуского университета» был издан многолетний труд П. Ф. Беликова — полная библиография литературных произведений Н. К. Рериха. Но на этом, как видно, дело и кончилось! Сегодня у вас не только никто не занимается рериховедением, но даже так и не переведена на эстонский язык книга «Рерих» в серии ЖЗЛ, с упоминания о которой начинается статья в журнале «Таллин».

Парадоксально, что в вашей республике с ее богатыми культурными традициями, где умеют охранять и сохранять народное достояние, уникальный архив мыслителя, ученого, художника Н. К. Рериха не привлек внимания ни эстонских искусствоведов, ни писателей, ни ученых...»

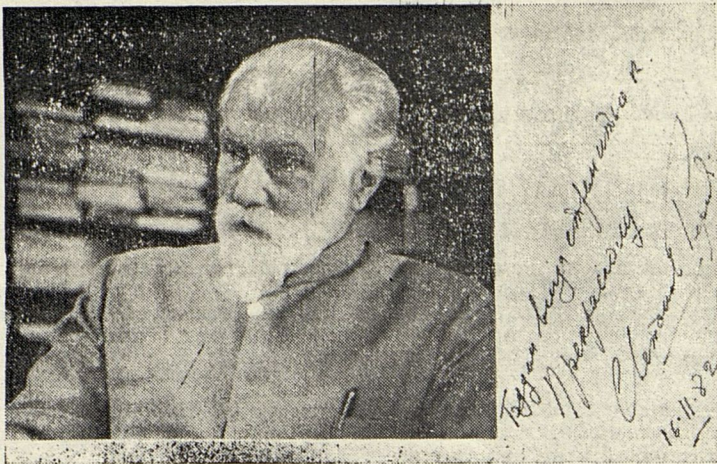
Справедливых упреков в письмах немало...

И вот я опять в Козе, в этом удивительном доме. Пока здесь ничего не изменилось. Все так же тарацит бронзовый глаз маленький безмолвный

будда, а рядом, на рабочем столе Павла Федоровича, еще один, такой же забавный — с отбитым каменным носом. Милые памятки, подаренные друзьями на счастье, на удачу, на память. Тысячами нитей связывают они этот маленький дом с десятками городов и стран мира.

Они и сейчас не рвутся, эти нити. За последнее время в Козе пришло множество писем. Вот одно — из Нью-Йорка, от нового директора Музея имени Н. Рериха Даниила Энтина. В конверте вместе с письмом — последняя фотография Зинаиды Григорьевны Фосдик — бывшего директора нью-йоркского музея, верного друга и помощника Рериха во всех его начинаниях. Ленинградцы прислали только что изданную книгу «Рерих в Петербурге». Новосибирск — последний научный сборник «Рериховских чтений», а доктор искусствоведения из Москвы Е. Полякова — новое издание своей монографии о Рерихе. Подборка свежих газетных публикаций — от Кишинева до Улан-Уде. Оказалось, и новостей немало — в Козе и сейчас, как и при жизни Павла Федоровича, бывает много гостей.

Заглядывали друзья Людмилы Живковой из Болгарии, навещали троюродные сестры Святослава Рериха Людмила и Татьяна Степановна Митусовы из Ленинграда. Приезжала заместитель директора Барнаульского краеведческого музея Т. И. Варакина. Поработала в архиве, поделилась радостью — в алтайском селе Верхний Уймон восстановлен дом, в котором в 1926 году останавливался Николай Рерих со своей экспедицией, путешествуя по Алтаю. Сообщила, что в Горноалтайске готовится рериховская экспозиция, а в Барнауле уже открыли экспозицию в память о Беликове. О пике близ знаменитой Белухи, который новосибирские аль-

Святослав Николаевич Рерих. Портрет подарен сыну Павлу Федоровичу — Кириллу Беликову.

пинисты из Академгородка назвали именем Павла Федоровича Беликова, читатель уже знает. И вот новое известие о трогательном внимании сибирияков к нашему замечательному земляку.

Недавно недалеко от Нарвы, на полпути к Ленинграду, в доме, где провел свое детство и юность знаменитый художник, открылась экспозиция «Рерих в Извара». Так отметили здесь столетие со дня рождения Николая Рериха и восьмидесятилетие его сына Святослава.

В мезонине на втором этаже висят копии картин, написанных начинающим художником в летней изварской мастерской. Старые фотографии запечатлели Рериха за мольбертом, на раскопках древних могильников, которых в тех местах было множество.

В будни, а особенно в выходные, в доме немало посетителей. Люди приезжают отовсюду, но больше всего ленинградцев, у которых в Извара заканчивается маршрут экскурсии «По рериховским местам». Редко заглядывают лишь соседи из Эстонии. И очень жаль, потому что у нас немало рериховских мест, достаточно лишь сказать, что в Ревеле художник написал картину «Старый король», в Хаапсалу — «Белую даму»; в Эстонии проживало немало учеников Школы общества поощрения художеств, директором которой Рерих был долгие годы.

Вернувшись в Козе, я перво-наперво взяла с полки толстую папку с крупной надписью «Извара». Раскрыла ее... Сто сорок снимков семьи Рерихов, сорок неопубликованных

очерков из автобиографической серии «Листы дневника», книги и другие уникальные материалы, как выяснилось из папки, подарил Павел Федорович Изварскому музею. И столько же передал в Барнаульский краеведческий музей. А кроме того обнаружилось, что несколько лет назад изварского дома, которым каждый, сюда попадая, так восхищается, этого прекрасного особняка с флюгерами на башенках не было. Чернели лишь обгоревшие остовы. Дом по эскизам и старым рериховским рисункам восстанавливался при самом активном участии Павла Федоровича. Он, как и архитектор А. Э. Экк, взявшийся воскресить дом из небытия, был членом комиссии по организации мемориала Н. К. Рериха в Извара. А возглавлял активную группу академик Д. С. Лихачев.

Долго и трудно отстраивался дом, немало усилий инициаторы вложили в его создание, но Павел Федорович всегда был в эпицентре всех дел, всегда в меру сил вмешивался и подталкивал начатое. То ему сообщали, что в доме потекли новые крыши, то о том, что руководство местного совхоза на месте конюшен, входивших в архитектурный ансамбль, велело возвести гаражи, то через участок уцелевшего парка проложили дорогу. Но особенно Павел Федорович стал незаменим, когда дело дошло до создания экспозиции. Десятки людей стали обращаться в Козе с просьбами:

«...Вы единственный человек, который лучше всех знает Рерихов, поэтому напишите, пожалуйста, что Вы считаете необходимым представить в

экспозиции. Какие документы, материалы, фотографии и прочее, чтобы нам не испортить с самого начала благие намерения», — письмо от Дирекции музеев Ленинградской области. А вот другое, из Извара:

«...Очень благодарна Вам за участие, которое Вы принимаете в судьбе дома-усадыбы Рериха. Огромное спасибо за материалы, которые Вы нам прислали...»

В Индии, в Бангалуре, Святослав Николаевич в это время тоже беспокоился:

«Много получил газетных вырезок о восстановлении дома Н. К. в Извара», — пишет он Павлу Федоровичу своим крупным, стремительно летящим почерком. — Бывали ли Вы там? Было бы очень хорошо, если бы Вы туда как-нибудь поехали, посмотрели, что там делается. Дом был старинный, пишут, что остался детальный рисунок, подаренный Стасову. Что осталось от дома? Очень хорошо, если это будет Библиотека-музей. Н. К. был бы этому очень и очень рад. Пусть его память озаряет живое дело именно там, где было положено основание Его дальнейшим устремлениям».

Положением дел в Извара Святослав Рерих будет интересоваться и во время своих приездов на родину: «Знаю, что под Ленинградом бывшее имение Николая Константиновича в Извара сейчас реставрируется и там будет музей, — скажет он во время беседы в Географическом обществе в Ленинграде в январе 1975 года. — Я уже думаю о том, какие можно было бы дать туда картины и как сделать культурным центром...»

«...В Извара надо бы также собрать труды Юрия Николаевича (сын Н. К. Рериха, известный лингвист, востоковед, в последние годы работавший в Институте востоковедения АН СССР. — Прим. ред.). Иметь там какие-то документы о том, что он делал, что из себя представлял, к чему стремился...» — беспокоился он во время приезда в нашу страну в октябре 1984 года.

Вот такая выяснилась изварская история...

На публикацию в журнале «Таллин» откликнулись многие люди, знавшие Павла Федоровича. Жительница Таллина Кира Алексеевна Молчанова предложила стенограммы речей и бесед Святослава Рериха, сде-

* Из стенограмм бесед и речей Святослава Николаевича Рериха, сделанных жительницей Таллина Кириой Алексеевной Молчановой.

ланные ею во время его приездов в нашу страну. Труд большой и ценный предложила охотно и щедро: «Пользуйтесь, может, пригодится...». Дочь латвийского поэта и переводчика Рихарда Рудзитиса, бывшего председателем рижского Рериховского общества в тридцатые годы, Гунта Рудзите сообщила, что на Рериховских чтениях-87 в Новосибирске будет делать доклад о Павле Беликове. А из Новосибирска прислал свои воспоминания о Беликове сотрудник Института ядерной физики Сибирского отделения АН СССР Евгений Маточкин, альпинист, один из инициаторов восхождения на безымянный пик и затем давший ему имя эстонского исследователя.

Внучка Беликова Галя показала мне небольшой двухэтажный дом, в котором перед пенсией работал главным бухгалтером Козеского отделения «Эстсельхозтехники» Павел Федорович. С тротуара в окно на первом этаже хорошо видно его бывшее рабочее место — небольшой канцелярский стол, стул, счеты... Мы прошли по улицам, по которым после работы он заходил на почту, в небольшой магазин, и я вдруг с особой ясностью представила внешне ничем не примечательную, как и у всех в этом поселке, размеренную жизнь.

Вспомнилась и первая наша встреча, когда в разговоре «обо всем» Павел Федорович обронил: «Так уж получилось, что хлеб насущный давало мне одно, а пищу духовную — другое. И знаете, ничто друг другу не мешало, никакого раздвоения не было и быть не могло...».

Рассматривая уникальную библиотеку Павла Федоровича, я взяла с полки небольшой томик в коричневом переплете.

«Махабхарата» — всегда была у него под рукой. — Вдова Беликова Галина Васильевна показала дарственную надпись на обложке, сделанную академиком АН Таджикской ССР Б. Л. Смирновым. — А вот это, — сказала она, — письма Смирнова. — И принесла папку с пожелтевшими конвертами.

Переписка завязалась в годы, не легкие для обоих, когда смертельно больной академик, используя буквально каждую минуту между атаками болезни, торопился закончить перевод с санскрита знаменитого древнеиндийского эпоса, торопился, ибо нашел к нему никому ранее неведомый поэтический ключ. В это же время Павел Федорович готовился сесть за книгу о Рерихе и искал ответы на сложнейшие вопросы

Павел Федорович Беликов и Светослав Николаевич с женой Девикой-Рени Рерих в Эрмитаже в Ленинграде.

БЕЛИКОВ — СМИРНОВУ, 14 апреля, 1965 год.

«Глубокоуважаемый Борис Леонидович, благодарю Вас за Ваше последнее письмо. Вы затрагиваете много больших и интересных тем. Все они относятся к разряду «трудных», что, конечно, придает им еще большую ценность. ... Со временем архивные материалы раскроют влияние Н. К. Рериха на взгляды Рузвельта на Россию. Роль Н. К. на развитие этих взглядов у Неру уже не составляет секрета. Используя свои обширные связи и знакомства, Н. К. никогда не упускал возможности «делать политику» в пользу своей страны. Это проскальзывало и в отношениях с нашими дипломатами. В 1926 г., находясь в Москве, он пытался о многом предупредить. Теперь хочется несколько подробнее остановиться на Достоевском, на различии миропониманий его и Н. К. ... В свое время еще С. Маковский заметил: «Останавливаясь на иконописи Рериха я не буду. Отдавая должное его археологическим познаниям, декоративному вкусу и национальному чутью, — все это бесспорно есть и в иконах, — я не найду в нем призвания религиозного живописца. Рерих все что

угодно: фантаст, прозорливец, кудесник, шаман, йог, но не смиренный слуга православия ...»

СМИРНОВ — БЕЛИКОВУ, 20 мая 1965 год.

«Глубокоуважаемый Павел Федорович!

Месяц прошел со дня получения Вашего письма. Месяц длительных и напряженных бесед с Вами. ... Тема нашей переписки для меня жизненно важна в буквальном смысле слова, Вы — единственный человек, общение с которым по этой важнейшей для меня теме мне предоставила Жизнь ... Вот написал Вам большое письмо, а будто бы и не писал, так много еще осталось тем ...

Н. К. Рерих был для меня особым художником — любимым, всегда вызывающим особые эмоции, особые думы. Он манил посмотреть за холст, вернее, сквозь холст. Большого труда мне стоило понять, что он совсем не мистик. Это человек рассудка, и довольно холодного. Его «Сердце Азии» производит двойственное впечатление. Нельзя не удивляться его мужеству, выносливости, спокойной настойчивости, сдержанности, преданности идее и пр. ...»

БЕЛИКОВ — СМИРНОВУ, 22 сентября, 1965 год.

«Глубокоуважаемый Борис Леонидович!

... Думается, что пройдет немало времени, пока деятельность Н. К. получит правильное освещение. Этому будет способствовать опубликование его эпистолярного наследия и личных дневниковых записей ...»

Несмотря на болезнь, академик Смирнов успел завершить талантливую работу, которую специалисты оценили так: «Гигантский труд, который по силам только целому институту ...» Работу, которой сполна хватило бы на целый коллектив, вел и Павел Федорович. Как назвать это? Как получилось, что Беликов стал главным рериховедом в стране? Воскресить события давних лет помогает ставшая антикварной первая монография о Рерихе, изданная в Риге в конце тридцатых годов. На обложке дарственная надпись автора и издателя.

Полвека назад молодой Павел Беликов, страстно увлекавшийся философией, литературой, искусством, в недавнем прошлом безработный, грузчик, ткач, поммастера на прядильной фабрике, счастливым тем, что удалось найти работу в книжном магазине, получает от Николая Рериха, которому он высылает советские книги, письмо.

Беликов, увлеченный быстро распространившимися в ту пору во многих странах идеями рериховского Пакта об охране культурных ценностей в случае военных конфликтов, вскоре становится одним из членов и организаторов Рериховского общества в Таллине. Знакомится с организаторами подобного общества в Риге, которая в ту пору была центром распространения рериховских идей Пакта мира в Прибалтике. А вскоре одним из первых получает вышеупомянутую монографию о художнике ...

После смерти Рериха в Коze стали приходить письма от его сына Свято-

слава. Павел Федорович переписывался и с личным секретарем художника В. А. Шибаевым, который передал исследователю множество негативов редких снимков семьи Рериха, его неизданные литературные произведения и т. д. По мере того, как в биографии Рериха исчезали для Беликова белые пятна, во весь могучий свой рост вставала перед ним личность художника, гуманиста, мужественного борца за мир, мыслителя и ученого.

«Я несказанно ценю Ваши заботы выявить истинный лик Н. К.» — пишет Светослав Рерих в Коze в 1965 году.

«Дорогой Павел Федорович, — пишет он в другом письме. — Надо постепенно собрать все литературное наследие Николая Константиновича. Много пропало. Он написал несколько пьес, но они были отправлены из Финляндии, и их дальнейшая судьба нам неизвестна ...» И когда колоссальный труд — библиография всех автобиографических очерков художника (а их обнаружилась тысяча!) — был готов для публикации в «Ученых записках Тартуского университета», обрадованно поздравляет:

«Ваше «Литературное наследие Н. К.» — прекрасный труд. От души поздравляю Вас ...»

Ни один серьезный сборник о Рерихе не вышел без вступительной статьи Беликова или его комментария. Его архив уникален. Но кто им заинтересовался? Кого волнует его судьба?

Что думают об этом в Министерстве культуры республики? Эти вопросы я задаю главному эксперту отдела изобразительных искусств Тойво Тоометсу, с которым мы встречались полтора года назад.

Он в затруднении. Нет, в Коze никто не ездил, конкретных планов у главного эксперта тоже нет. Он смотрит на меня с досадой. И задает тот же вопрос, что и полтора года назад.

— А что, по-вашему, я должен делать?

ДНИ МОРЯ

В это солнечное лето в Таллине впервые прошли Дни моря. Этот веселый летний праздник организован Морским райисполкомом г. Таллина. Центром его стал главный городской пляж Таллина в Пирита — там при активном участии многочисленных отдыхающих прошли различные спортивные и культурные мероприятия,

концерты ансамблей «Ретро» и «Ариэль». А по вечерам во Дворце культуры и спорта им. Ленина и на Певческом поле была показана обширная концертная программа «Звездапад Дней моря». В ней приняли участие популярные эстрадные артисты страны.